

Пабло Неруда: сказка странствий

Ящики - длинные, на треть наполненные мягкой душистой стружкой, - привезли еще вчера вечером. Было решено встать утром пораньше и посвятить весь день сортировке и упаковке коллекции. Конечно, такое огромное количество морских раковин и деревянных ростров - корабельных скульптур за один день не упакуешь. Но Неруда никого не хотел подпускать к своим сокровищам, которые столько лет собирал по всему миру.

Раз уж он решил подарить коллекцию Чилийскому университету, то при расставании с ней, по крайней мере, не должны присутствовать посторонние. Но, разумеется, без помощи жены ему не обойтись. И дело даже не в том, что Матильда своими ловкими маленькими руками сделает все аккуратно и тщательно. Просто за те годы, что они прожили вместе, Матильда Уррутиа изучила и самого Пабло, и его коллекцию, наверное, лучше, чем он сам. Она прекрасно знала, где лежит та или иная раковина, откуда она прибыла в их дом и какая история с нею связана.

У Неруды, с которым Матильда встретила уже в пору его зрелости, никогда не было секретов от своей "часконы" - "растрепы", - как Пабло прозвал жену за пышную рыжую шевелюру.

Собственно, у него не было секретов ни от кого во всем мире. Каждый, кто брал в руки книгу нобелевского лауреата Пабло Неруды, мог рассчитывать на дружелюбную искренность - только так тот общался со своими читателями. "Пабло - один из немногих счастливых людей, которых я знаю", - так однажды сказал о нем грустный седой человек из России по фамилии Эренбург. И это была правда. Матильда больше всего любила в нем именно этот редкий талант - умение быть счастливым. Пабло никогда не впадал в пафос, потому что не умел фальшивить. Не закрывался от неприятностей, потому что не был трусом. Он просто дружил с жизнью, не переставая удивляться ее многообразию.

На эти раковины, которые заполнили их дом на Исла-Негра, Черном острове, неподалеку от океанского побережья Чили, Пабло мог смотреть часами, любуясь их причудливым, неповторяющимся совершенством. И если бы коллекция не разрослась настолько, что негде стало обедать, он ни за что с

Пабло Неруда

ней не расстался бы. Правда, в своем восторженном благодарственном письме ректор университета намекнул, что если раковины действительно просто царский подарок кафедре малакологии, то изучением корабельных ростров никто из чилийских ученых, увы, не занимается. Но Пабло, не желая обсуждать принятое решение, оставил его замечание без внимания.

Этим зимним, ясным и холодным утром Пабло проснулся раньше Матильды и даже сам сварил себе кофе. А потом уселся в кресло перед большим столом, уставленным морскими сокровищами. Большой, даже несколько грузный, до смешного похожий в профиль на тапира, он не спеша перебирал хрупкие раковины и, похоже, даже не думал приступить к их упаковке. Матильда старалась ему не мешать. Она бесшумно освобождала широкие полки, осторожно выкладывая экспонаты на ковер посреди кабинета: разве можно мешать поэту перебирать свои воспоминания?

Вот эту розовую, почти прозрачную раковину привезли с Капри. Они с Пабло приехали на остров, укрываясь от чрезмерной "опеки" итальянских властей. С первых дней их пребывания в Италии предупредительные полицейские по пятам ходили за чилийским поэтом-коммунистом и его женой. Они носили чемоданы Неруды, покупали для него газеты на станциях, даже брали автографы для своих невест - но не отставали ни на шаг. Однажды в Венеции Пабло и Матильда ненадолго удрали от своей свиты на единственной во всем городе моторке, помахав на прощание людям в форме, преследовавшим их в раззолоченной гондоле. Но после того как в Риме на вокзальной площади произошла настоящая потасовка между толпой поклонников Неруды и полицейским оцеплением, стало ясно, что бежать надо всерьез и подальше. Так что приглашение одного итальянского профессора-историка погостить в его старинном доме на Капри пришлось весьма кстати.

Девяностолетний профессор был очень влиятельным человеком на острове. Говорили, что он владеет едва ли не половиной Капри. За те несколько счастливых недель, которые Пабло и Матильда провели в большом белом доме, оплетенном виноградом, их не побеспокоил никто, даже сам хозяин. С утра Пабло работал, а после обеда Матильда перепечатывала его стихи на машинке. Потом они шли к морю, купались и выбирали раковины, которые специально для Неруды доставали со дна загорелые мальчишки. К ужину покупалось прозрачное домашнее вино и, если вечер был прохладным, разжигался камин. А непроницаемо-темные ночи были полны самой безмятежной любви... Кажется, никогда потом им уже не удалось так замкнуться в своей любви, как это случилось на Капри.

На острове Пабло закончил книгу о любви под названием "Стихи Капитана". Она вышла без подписи, поэтому пресса, как всегда, поспешила объяснить этот факт "политическими мотивами". И, как всегда, ошиблась. Вот чего никогда не было в поступках Неруды, так это надуманных "политических мотивов". Просто этими ликующими стихами, написанными счастливым любовником, он не хотел огорчать свою прежнюю жену Делию дель Карриль, с которой прожил почти восемнадцать лет. Он называл ее "ласковой непоседой", "ниточкой из стали и меда", но не скрывал того, что своей требовательностью Делия связывала его по рукам и ногам.

Оглянувшись на мужа, по-прежнему молчаливо сидевшего в кресле, Матильда вспомнила, как однажды он назвал ее, рыжеволосую "часкону", единственной женщиной в своей жизни, которая не стремилась его удержать. И добавил, что, наверное, именно поэтому ему хотелось всегда видеть ее рядом. Матильда тогда подумала, что у нее действительно никогда не было намерений чем-либо привязывать к себе Пабло. Или строить планы на их будущую совместную жизнь. И уж тем более навязывать ему какие-то условия их семейной жизни. Он не может принадлежать никому, даже любимой женщине, неужели этого не понимали его прежние жены? Сегодня он рядом, и это радость, которой нужно дорожить. А останется он с тобой надолго или уйдет завтра же - о том знает только Бог, который время от времени зачем-то дарит миру гениальных поэтов.

Матильда улыбнулась, вспомнив, как смешно рассказывал муж о своем назначении консулом в Бирму. Начинаящий, но уже хорошо известный в Чили поэт очень хотел путешествовать, увидеть мир. Через кого-то из многочисленных знакомых Неруде удалось получить аудиенцию у влиятельного дипломатического чиновника. Тот предложил поэту отправиться консулом в любую страну мира, которую он укажет на глобусе. На радостях Пабло ткнул указкой куда-то на восток. Как оказалось, в этом месте старого глобуса была... дыра. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что под дырой находится Бирма, и Пабло Неруду тут же возвели в ранг бирманского консула. Тогда он и не подозревал, что через некоторое время ему придется тайно бежать из этой "дыры", скрываясь от ревнивой страсти Джози.

Эта девушка называла себя английским именем и на людях одевалась по-европейски. Но дома, где они жили вместе с Нерудой, носила привычный легкий саронг, то есть просто кусок ткани, которым в тех краях и мужчины и женщины обертывают себя ниже пояса. В таком волнующем одеянии, да еще с белыми цветами в пышных волосах Джози сильно отвлекала Пабло от его консульских обязанностей. К тому же, не желая делить своего заморского возлюбленного ни с кем и ни с чем, она прятала от него все письма и даже дипломатические телеграммы. По ночам девушка кругами ходила вокруг постели, где под москитной сеткой спал Пабло, и, не выпуская из рук ножа, совершала магические обряды, которые должны были сохранить его любовь и верность. Обряды не помогли. Однажды ночью, проснувшись, Пабло увидел нацеленный на него нож, а за ним сверкающие ревнивым огнем глаза Джози. И понял, что добром это не кончится: еще немного - и Чили не досчитается одного из своих консулов. На следующий день Неруда вышел якобы на прогулку, не взяв с собой ни вещей, ни книг, и отправился напрямиком на пароход, отплывающий на Цейлон по водам Бенгальского залива. Закончилась эта история так, как и должна была закончиться - стихами. Уже на палубе корабля Неруда начал писать книгу "Танго вдовца", полную горестных сожалений о любви, сожженной бессмысленным огнем ревности.

Да вот она, кстати, эта книга. Матильда осторожно вытянула старый томик из-под стеклянного колпака, под которым укрылась большая раковина, похожая на китайскую пагоду. По крайней мере удастся наконец навести порядок на этих полках - тут можно отыскать самые неожиданные вещи. Однажды Пабло даже

пытался найти среди книг и раковин дамские трусики, на которых, как он утверждал, было написано имя одной его случайной знакомой.

Об этих трусиках Неруда вспомнил в тот вечер, когда у них в гостях засиделся один литературный критик - очень знаменитый и очень чопорный. Гость долго отчитывал хозяина дома за излишнюю чувственность, которой, по его мнению, не должно быть в литых, совершенных по форме стихах гениального поэта. Сначала Пабло вежливо выслушивал нотации ученого критика, потом попытался спорить, но скоро понял, что это бесполезно - этот зануда слушал только себя. Тогда Неруда решил подразнить благовоспитанного ученого и пустился в воспоминания о безрассудных годах своей бурной консульской молодости. О своем мимолетном романе с белокурой веселой куртизанкой, выписанной из Европы в Сингапур китайским миллионером, Пабло рассказывал с таким смаком, что его собеседник то и дело оторопело оглядывался на улыбающуюся Матильду. А Пабло, будто не замечая его смятения, красочно описывал, как однажды красотка прибежала к нему вся в слезах и сообщила, что колониальные голландские власти высылают ее назад в Европу: тогда сожителство белой женщины с азиатом, даже очень богатым, расценивалось почти как государственное преступление. Она успела только раз побывать в роскошном доме богача китайца и всего лишь однажды увидеть его разнообразные сокровища - в том числе огромный сундук, доверху набитый шелковыми дамскими трусиками разных оттенков и фасонов: миллионер коллекционировал их, как коллекционируют бабочек. Он предложил девушке выбрать любые, и она, потрясенная таким великолепием, схватила несколько первых попавшихся кусочков шелка. Несколько часов спустя одни из этих трусиков, белые с зеленым, предварительно исписанные, как провинциальная фотокарточка, разными сентиментальными фразами, были оставлены на память молодому чилийскому консулу...

Несмотря на протесты гостя, Пабло взялся отыскать эту памятную вещицу на книжных полках, но безуспешно. Озадаченно роюсь в книгах и раковинах, поэт возмущенно воскликнул: "Интересно, какая нахалка ушла в них из моего дома?!" Это было уже слишком. Пробормотав что-то на прощание, ученый гость выскочил за дверь. А Матильда и Пабло долго хохотали, допивая старое французское вино, открытое специально для именитого критика.

Этот вечер Матильда запомнила на всю жизнь. Они с Пабло были женаты всего лишь второй год, и Матильда не упускала случая пококетничать со своим знаменитым, но пока еще не до конца понятым ею мужем. Она подразнивала его, провоцируя на неожиданные поступки и спонтанное проявление эмоций - так Матильда изучала своего Неруду, чисто по-женски пытаясь определить, что за человек живет рядом с нею.

Спровадив занудного гостя и вдоволь насмеявшись, она лукаво посмотрела на мужа сквозь бокал с французским вином и протянула, улыбаясь:

- И много их было, этих нахалок, которые побывали в твоём доме?

- Много, девочка, много. Пойдем спать.

Пабло устало потянулся в кресле, потом встал и протянул Матильде руку. Но она не торопилась подавать свою. По внезапно посерьезневшему лицу жены он понял, что вопрос задан неспроста. Неруда погасил верхний свет, зажег

настольную лампу с уютным малиновым абажуром и, прихватив с шахматного столика свою любимую трубку, снова вернулся в кресло.

Рассказы, которые Матильда тогда слушала почти всю ночь, не вызвали в ней никакой ревности. Забравшись на диван с ногами, она словно читала удивительную книгу, героини которой, как живые, заполнили комнаты их темного дома, со всех сторон окруженного ночным океаном. Дома, над которым ветер усердно развеивал личный флаг хозяина - синий с белой рыбкой. Пабло говорил о своих романах - случайных и продолжительных - без тщеславия и кокетства, без малейшей попытки оправдать себя или осудить. Он просто говорил правду. Но рассказывал так увлекательно и зримо, как это могут делать только поэты. Матильде все представлялось словно наяву.

Она ясно видела долговязого пятнадцатилетнего лицеиста, который еще не был Пабло Нерудой, а носил гордое испанское имя Нефтали Рикардо Рейес Басуальто, хотя черты индейцев-арауканцев, древних жителей Чили, явно проступали на его лице. Этот молчаливый застенчивый лицеист верхом на лошади почти сутки пробирался в горы, к родственникам-фермерам, которые пригласили его на осеннюю молотьбу. Целый день он, затерявшись среди рослых и сильных мужчин, помогал на току многочисленному семейству, а вечером рухнул от усталости в душистое сено рядом с пятью-шестью парнями, которым отвели место для ночлега в отдаленном стогу. Его соседи моментально заснули, но заезжему лицеисту так и не удалось сомкнуть глаз. Среди ночи к нему бесшумно прокралась совершенно обнаженная гостья. Прижавшись к Пабло гибким сильным телом, она не дала ему произнести ни слова, закрыв его рот мягкими горячими губами. Этой ночью юный поэт узнал, что способен дарить и получать сильнейшее из жизненных наслаждений. Таинственная незнакомка исчезла так же беззвучно, как и появилась. Напрасно он наутро вглядывался в лица женщин, подававших завтрак своим мужьям. Одна из них, с высокой грудью и длинными косами, уложенными вокруг головы, кажется, незаметно улыбнулась молоденькому гостю. Но может быть, это ему лишь почудилось...

Так же ярко Матильда представила себе и индийскую девушку из касты неприкасаемых, которую Неруда несколько дней выслеживал в доме на Цейлоне, где он жил когда-то. Вернее, сначала Пабло просто пытался узнать, кто это ранним утром убирает отхожее место в самой глубине сада. И был совершенно потрясен, когда увидел поразительную красавицу, похожую на ожившую каменную статую из индийских храмов. На ней было простое красное сари, на руках и ногах звенели дешевые браслеты, а в крыльях носа сверкали красные стеклянные капельки. Словно не замечая пораженного хозяина дома, она с царственным достоинством водрузила себе на голову "благоухающий" ночной сосуд и так же степенно, не ускоряя шага, вышла из сада. Несколько дней Пабло поджидал девушку, раскладывал на ее пути подарки, пытался привлечь ее внимание разговорами. Но та по-прежнему оставалась величественно безучастной. В конце концов он схватил ее за руку. Девушка не вырывалась и не проронила ни слова, пока белый хозяин дома, утолив свою страсть, не вернул дешевое сари ее хозяйке. С презрительным равнодушием она завернулась в красную ткань и вернулась к своим обязанностям.

- Ей было за что меня презирать, - пожал плечами Пабло. - В общем, подобных попыток я больше не повторял.

И неведомая француженка, которую Пабло и его чилийский приятель Альваро посадили в такси парижским утром, очень живо представилась Матильде. Рассовав по карманам шоколад и несколько франков, приколов цветок из преподнесенного ей молодыми испанцами букета к своему берету, парижанка скорее всего очень скоро начисто забыла о бурной ночи, проведенной в дешевом отеле на Монмартре. А вот Неруде та ночь запомнилась на всю жизнь.

Пабло и Альваро встретили девушку в каком-то русском кабачке, куда их привел некий знакомый меценат. Очень скоро от выпитой водки этот господин пришел в такое состояние, что был не в силах даже подписать чек, а денег больше ни у кого не было. Пабло, Альваро и примкнувшую к ним из солидарности молоденькую певицу из русского хора выбросили на улицу. Девушка оказалась парижанкой и легко согласилась проводить друзей до их комнаты в отеле. Под утро приятель разбудил Пабло, причем выглядел при этом как помешанный. Он зашептал, что к ним попала совершенно удивительная женщина, обладающая загадочным даром, и что Пабло ну просто обязан в этом убедиться. Сонная и снисходительная мадемуазель не стала возражать и перебралась в постель к Неруде. Альваро оказался прав. Неопишное и необъяснимое наслаждение, которое рождалось в самой глубине ее естества, захватывало, как водоворот.

За завтраком друзья живо обсудили свои впечатления по-испански и пришли к выводу, что если они сегодня же, сжав волю в кулак, не расстанутся со своей новой знакомой, то им будет уже не до Индии, куда оба собирались отплыть через несколько дней, - эта парижанка с ее непостижимым даром заставит их забыть обо всем. Решено было поймать девушке такси и отправить от греха подальше, оставив ей на прощание половину имеющихся денег.

Пабло рассказывал долго, почти до рассвета. О своей первой жене Марии Антониетте Хаагенар, голландке, которую он и его друзья стали называть на чилийский лад Марукой. О Делии дель Карриль, благовоспитанной и своенравной аристократке. О женщинах, которые были с ним рядом несколько лет или несколько дней. Несмотря на то что прошли многие годы, он помнил их - как помнил наизусть все свои стихи. И женщины и стихи были неотъемлемой частью увлекательной книги его жизни, которую они вместе пролистали в ту памятную ночь.

...Оглянувшись на гору раковин, которые успела сложить на ковре Матильда, Неруда решил наконец присоединиться к жене. Пока они собрали раковины из всех закоулков их огромного дома, прошло почти полдня.

Матильда с недоверием смотрела, как энергично Пабло раскладывает по ящикам и засыпает деревянной стружкой свои хрупкие сокровища. Но когда раковины закончились и дошла очередь до ростров, решительность начала покидать Пабло.

Он вглядывался в нежные черты корабельных скульптур и одну за другой отворачивал их лицом к стене. Матильда поняла почему - даже ей показалось,

что эти вырезанные из дерева лица смотрят на хозяина, собирающегося отправить их куда-то из своего дома, с явным укором.

А когда очередь дошла до маленькой наяды с по-девичьи гладкими щеками, Пабло и вовсе скис. Он нежно погладил юное лицо, вырезанное из неведомого дерева, и грустно произнес:

- Нет. С этой я расстаться не смогу. Она мне слишком дорога.

Матильда прекрасно помнила, что наяду привезли на Мела-Негра два рослых моряка из Вальпараисо. Пабло не было дома, и гости, смущенно пряча за спину огромные ладони, попытались было оставить скульптуру и уйти, не дожидаясь хозяина. Но Матильда отвела их в гостиную и усадила пить чай. Убедившись, что хозяйка прекрасно понимает их не слишком грамотную речь, гости - оказалось, что это братья, - осмелели и объяснили, что эту деревянную наяду они много лет хранили в порту Вальпараисо. Когда-то их попросил об этом Пабло Неруда - он тогда прятался от властей в доме их матери. Матильда сообразила, что моряки говорят о том самом доме, который Пабло всегда вспоминал с нежностью и давно хотел навестить.

Он жил в этом доме еще в сороковых. Побывав к тому времени во многих странах, пережив Вторую мировую войну в Испании и в Париже, приобретя и потеряв многих друзей, говоривших на разных языках, насладившись женщинами всех цветов и оттенков кожи, Пабло Неруда приехал в Чили сорокалетним мужчиной и знаменитым поэтом. Матильде не нужны были пространные объяснения мужа, почему именно тогда, в середине сороковых, он вступил в коммунистическую партию. Путешествуя с Пабло по всему миру, она поняла, что в странах с вековыми культурными традициями, где интеллигентность и уважение к личности передаются по наследству уже десятками поколений, - в таких странах у порядочного человека больше выбора. Вернее, больше возможностей остаться порядочным человеком. В Чили же, где умение читать считалось едва ли не привилегией, где роскошный "Кадиллак" был единственным поводом для уважения, поэт мог быть либо прикормленным подонком, либо коммунистом.

Пабло Неруда стал сенатором и сделал все, чтобы на президентских выборах победил Гонсалес Видела, так много обещавший шахтерам и рыбакам - избирателям Неруды. Однако очень скоро новоявленный президент переменял свои убеждения, стал типичным латиноамериканским диктатором и приказал арестовать сенатора Неруду. Пабло грозила тюрьма, и друзья стали готовить побег сенатора за границу. В ожидании парохода, на котором он должен был тайно отплыть в Эквадор, Пабло жил в доме вдовы моряка, затерявшемся в самых бедных кварталах Вальпараисо.

Моряки рассказали Матильде, что они вовсе не тяготились своим опальным гостем. Присутствие "сеньора Пабло" наполнило жизнь бедной семьи увлекательнейшими событиями. Однажды, например, вдова и ее дочери взялись шить ему элегантный костюм, в котором Неруда должен был появиться на эквадорском берегу - с сигарой в зубах, неотразимый, как Кларк Гейбл. К сожалению, понятие об элегантности женщины черпали из знаменитого фильма "Унесенные ветром", а братья - наблюдая за посетителями портовых баров карибских стран. Двубортный приталенный пиджак доходил Пабло до колен, а

брюки плотно обтягивали щиколотки. Матильда не стала рассказывать гостям, что этот костюм Неруда так ни разу и не надел, хотя бережно хранит его до сих пор.

Как-то раз братья поведали "сеньору Пабло" о том, что в порту идет на слом старый деревянный корабль с диковинной статуей на носу. Гость необыкновенно воодушевился и разработал целый план по спасению ростра. Его тайно сняли с судна и спрятали на пристани в одном из складских помещений. Пабло Неруда вскоре покинул дом братьев-моряков, а те завербовались в длительный рейс. Про статую они забыли и случайно обнаружили ее лишь несколько дней назад.

Вернувшись, Пабло как ребенок обрадовался гостям и чудесной няюде. Он горячо благодарил братьев и попросил Матильду выставить на стол все самое лучшее, что найдется в их доме. Потом они долго сидели за столом и вспоминали годы подполья.

- Ты знаешь, Матильда, - сказал Пабло после ухода моряков, - я даже благодарен этой скотине Виделе, за то что он объявил меня преступником. Скрываясь, я встретил много замечательных людей, которых никогда бы не узнал, сидя где-нибудь в Сантьяго, в хорошем доме у камина.

Так-то оно так, только Матильда слишком хорошо знает, как опасен был для Пабло каждый день, проведенный в то время в Чили. Из Вальпараисо по морю сбежать не удалось, и было решено переправить Неруду на автомобиле в Анды. Горы предстояло пересечь верхом на лошади, а, оказавшись в Аргентине, отплыть из Буэнос-Айреса в Париж. Обросший бородой, в темных очках, Пабло миновал на автомобиле родной город Парраль, где его никто не узнал, и оказался в Андах, в доме начальника лесных разработок. Шли дожди, отправиться в сельву верхом было невозможно, оставаться в доме - все опаснее: вот-вот должен был приехать владелец этих мест, близкий друг диктатора, богач Пепе Родригез. Чтобы не навлечь неприятностей на приютившую его семью, Неруда решил переселиться в хижину вождя маленького индейского племени, где его уж точно никто не найдет. Но начальник лесных разработок был решительно против этой затеи. Он сказал, что хорошо знает Родригеза - тот настоящий мужчина и не выдаст Неруду. Вспомнив это приключение Пабло, Матильда в который раз усмехнулась - в этой стране определение "настоящий мужчина" стоит дюжины самых надежных рекомендаций.

К счастью, определение оказалось верным. Несмотря на противоположные политические взгляды, настоящие мужчины Пабло Неруда и Пепе Родригез отлично сошлись. После четвертого стакана виски они уже спорили не жалея горла, стучали по столу кулаками и, хотя так ни в чем и не переубедили друг друга, расстались друзьями. Наутро Родригез уехал в Сантьяго, оставив на прощание приказ: если Неруде не удастся в ближайшее время перебраться в Аргентину тропой контрабандистов, остановить все лесоразработки и проложить тропу до самой границы. Вскоре дожди закончились, и Пабло в сопровождении небольшого отряда всадников отправился в горы. Спустя несколько месяцев он уже был во Франции.

Кстати, в Париже, в этом самом "не морском" из всех виденных им городов, Пабло собрал больше ростров, чем где бы то ни было. Он находил их в частных

коллекциях, на маленьких, одному ему известных рынках. Много скульптур ему подарили знакомые. Одну статую он привез из России, из дома писателя Константина Симонова в Сочи. У Пабло всегда было много друзей среди советских писателей, хотя он долго не мог привыкнуть к их манере выражения дружеских чувств. Настоящий чилийский мужчина никогда не станет обнимать своего друга и звонко целовать его в обе щеки. Однажды Пабло не удержался и подшутил над этой славянской привычкой, начав один из рассказов такими словами: "Первым поцеловавшим меня мужчиной был консул Чехословацкой республики.. ."

Глядя, с какой нежностью Пабло рассматривает наяду, подаренную ему в Сочи, Матильде захотелось напомнить мужу ту давнюю шутку, чтобы хоть немного его развеселить. Но увидев его грустное лицо, она поняла, что сейчас Пабло не до смеха. Да ей и самой было жаль расставаться с наядами, к которым привыкла, словно к родным сестрам.

Матильда уже принялась было разворачивать рулон мягкой ткани, купленной специально для упаковки скульптур, но Пабло ее остановил:

- Погоди-ка. А где у нас синие чернила?

Неруда предпочитал писать стихи зелеными чернилами на черной бумаге и о том, где находятся синие, всегда забывал. Матильда достала ручку, белый лист и положила перед мужем. По его внезапно оживившемуся взгляду она поняла, что Неруда что-то задумал. Заглянув ему через плечо, Матильда прочла короткое письмо:

"Сеньор ректор! Поскольку Чилийский университет не располагает специалистами по изучению корабельных ростров, я берусь сохранить и пополнять коллекцию скульптур в надежде на ее компетентное изучение в будущем. Раковины же отправляю завтра, как и договорились. С уважением Пабло Неруда".

...Неруде не пришлось долго заботиться о своей коллекции. Через несколько лет, когда к власти пришел Пиночет, поэт умер. Сейчас его дом на Исла-Негра, национализированный согласно завещанию владельца, включен в программу всех туристических маршрутов по Чили.

*Источник: "Караван историй",
январь 2003*

Внимание!

Автор этого материала нам неизвестен, т.к. он был опубликован без указания имени автора. Если Вам знакомо его имя, просим сообщить его нам, чтобы указать его в этом тексте.